

The background of the cover is a dark, misty forest. Several tall, thin tree trunks are visible, rendered in dark silhouettes. In the center, two glowing yellow eyes with dark pupils are visible, looking directly at the viewer. The overall atmosphere is eerie and mysterious.

ЛЕСНОЙ ТУМАН

Ульяна
Нестеренко

12+

Ульяна Нестеренко

Лесной туман

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48503195

SelfPub; 2019

Аннотация

Жить да поживать хочет молодая ведьма, присматривая себе дом покрепче. Только вот не подумала она, почему может пустовать добротный дом у кромки леса. И не навестит ли её кто ночью.

Для подготовки обложки издания использована художественная работа автора.

Вея деловито похлопала по косяку. Крепкий, на совесть строили – для себя.

– Хорошая изба, – она повернулась к старосте, коренастому мужичку неопределенного возраста, с глубокими залысинами на лбу и мягкими округлыми щеками, выдающими любовь к жёниной стряпне. – И мышами почти не пахнет. Почему пустая-то стоит?

– Так около леса, – пожал плечами мужик. – Нехорошая примета, сами понимаете. Но вам-то оно и лучше, правильно говорю?

У него это звучало как «прально грю», но это не смущало. Было даже приятно, что и вдали от дома слышишь привычный говор.

– Правильно, – задумчиво подтвердила Вея, осматриваясь. Свой дом, неужели? Она с трудом сдерживала волнение – уехала она от матери в прошлом году, и то пожар, то потоп, то люди не приняли. Можно было и дома остаться, но что за счастье, быть второй хозяйкой в избе? А замуж... да кто ведьму замуж позовет. Сестре вон дара не досталось, сразу выскочила. Порода-то у них на глаз приятная. Волос пшеничный, волосок к волоску лежит, глаза яркие ведьмины, зеленые, и фигурой не обделены.

– Хорошо, – она хлопнула в ладоши, тут же заметив, как вздрогнул при этом староста. – Остаюсь я у вас. Скажу сразу – первые недели две настоек не будет. Нужно по лесу пройтись – посмотреть, что здесь есть, а что сажать придется. А амулеты, знаки на домах, детей посмотреть, животных, слово сказать – это могу.

– Добро, – оживился мужик, важно кивнув. – Вы тож не робейте. Если прибить там чего, починить, меня зовите, я эт, через три дома живу.

Она проследила его взгляд, направленный куда угодно на ней, только не на лицо, и мысленно поморщилась. Замуж-то ведьм брать не спешили, а вот зайти на огонёк вечером – это за милую душу.

– Обязательно. А теперь спасибо, я загляну, если что. А так мне тут работать нужно, дом-то не обжитой, а скоро ночь уже.

Староста озадаченно посмотрел на небо, где солнце только вошло в силу, но ушел. Кто этих баб знает.

Работы и правда было немало. До темноты нужно не только вымыть всё, вещи-то и потом разложить можно, но и начертить защиту. Вокруг дома, на косяки, на порог, окна, трубу, чердак и подпол. А, ещё же...

Вея достала из сумки старый валенок и наклонила:

– Выходи, дедушка. Покушать я пока не достала, самой нынче нечего, будем вместе обживаться.

Мелькнула едва заметная тень – домовый принял приглашение. Было немного неловко забирать домового от матери, но ведьма с ним хорошо ладила с самого детства. Добрый дедушка и лечил неразумную, и от вреда оберегал. Мать говорила, что с сестрой такого не было, а здесь... видно правду говорят, что у ведьмы не человечесья кровь, вот он её и чуял. А уж как узнал, что уезжает, бузить начал. То тарелку скинет, то горшок перевернет, только тогда успокоился, когда предложила с собой взять.

После обеда заглянула пара женщин. В основном осторожно выпрашивали, знает ли она то или иное слово, для легких родов, от пьянства, может ли договориться с жучками. Ну, и не просто так – яичек принесли, творожка, молока и даже ароматную краюху хлеба.

Ближе к ночи Вея закрыла дверь. Осень уже клонилась к зиме, и вечерами было прохладно, а скоро и вовсе промерзнет всё. Хоть печь здесь крепкая, и труба не забилась. Хотя, может и прочистили для ведьмы-то.

Она расслабилась, только когда из чашки поднимался ароматный пар от подогретой медовухи. Роскошь, всего одна крынка осталась, а меда так и вовсе на доньшке, но сегодня можно.

От печи шел приятный ровный жар. Сегодня она не топила для прогрева – так, немножко, чтобы еду согреть. Ещё

чуть-чуть, она затушит лучину и полезет на полати. Вытянет гудящие ноги, наконец-то позволит себе уснуть.

Вея зажмурилась от удовольствия, поджав босые ноги на лавку, и глотнула хмельного варева.

Стук в дверь, размашистый, мужской, едва не заставил её поперхнуться.

– Эй, есть кто? Отворяйте! – голос был низким, но не слишком, приятным.

– Ты кто? – не нашла ничего лучше, чем спросить Вея. За дверь обрадовались:

– Хозяйка, открой! Охотник я, дотемна по лесу ходил. Устал, замерз, пусти уж, уважу – у меня и косой здесь, и птичкой разжился!

Вея не спешила подходить к двери, знакомое что-то шло от того, кто стоял на её пороге. Она никогда не видела его – это Вея знала точно, только вот слышала немало. И встречалась с подобными, издалека, к счастью.

Она бросила взгляд на уголок домового: усланную сеном лежанку, тарелочку с творогом. Кивнула ему, но повернулась к двери, крикнув:

– Ох, ты подожди уж, накину хоть чего.

– Да что я там не видел, хозяйка, – рассмеялся голос. – Давай уж, пускай!

За одеждой Вея не пошла. Неожиданно даже для себя, она завернула в тряпицу оставшиеся три варёных яйца, два куска

хлеба, сыпанув на них солью, вылила в пустую крынку остатки горячей медовухи и... подставила лестницу к чердачной ляде.

Домовой перетек в черную кошку и смотрел как на блаженную на свою подопечную, и на то, как она открывает скрипнувшую дверцу, и как оставляя на чердаке снедь.

«Быстрее, быстрее, только бы не услышал», – бормотала про себя Вея, понадеявшись на слова нашептанные на стены, пол да потолок. Только вот он мог и через слово услышать, бывало уже такое.

Но повезло, она успела захлопнуть дверцу, закрыть щеколду и сказать слово.

– Хозяйка, что за дела? – начиная терять личину, рыкнул голос.

Теперь ведьма подошла к двери.

– Здравствуй хозяин лесной, туманник. Почуял же уже, кто тут нынче поселился. Не будет тебе человечесьей поживы.

– Да ладно тебе, какой хозяин, о чем баешь, – сделал последнюю попытку нечистый, но Вея только рассмеялась.

– Не дури, я тебя нутром чую, не проведешь. Но ночь нынче холодная, то ты верно сказал. Загляни на чердак, там тебе отпуск оставила. Не хочу с тобой ссориться, уж не побрезгуй – что было.

Дверь дрогнула от удара, задрожали ставни и сразу почти, Вея вдоха сделать не успела, тяжелым бухнуло на чердаке, тяжелой поступью прошлись и рванули ляду, но слово дер-

жало хорошо. Она не зря жгла дорожную свечу, обходя всю избу, знала, что ведьму навещают, и навещают в первую же ночь. Туманника только не ждала – не думала даже, что встретится.

– Открой мне, ведьма, – она слышала, как заскрипели когти по петлям, проверяя их на прочность. – Не то хуже будет.

Куда уж хуже. Те, кто открывал туманникам, до утра не доживали. Но несколько часов могли протянуть. Только ничего хорошего в той жизни не было.

– Туманнику не оставляют отпуск, – говорила ей мать одним из теплых летних вечеров, когда как сказки, рассказывала о блуждающей по миру нечисти. – Он тоже в лесу хозяйничает, но не путай его с лешаком. Туманник если возьмет отпуск, то сам – кровью.

Иногда так случалось, что лес стоял пустой, без хозяина. Редко оно было, на плохой земле чаще. И тогда там зарождалось что-то. В дурной земле доброго семени не вырастет, вот и здесь.

Начинали охотники пропадать. Потом бабы, по грибы да ягоды ходившие. Но не долго, год может, или пару, а затем затихало всё. И лес прихорашивался, и нечисть успокаивалась, только вот на рассвете и на вечерней зорьке туман начинал подниматься густой, и не от воды тот туман шел, а из леса струился.

То туманник родился и силы набирался. Пару лет бродил ещё как варево в котле, а затем шел на охоту.

– У туманников три лица. Днем как мужчина статный смотрится, но и силы почти не имеет, как тот мужчина, не больше. Ночью зверь лютый, но может и тем же молодцем прикинуться, тогда только на ноги внимательно смотри – ноги у них ночью завсегда звериные.

– А утром и вечером?

– Утром и вечером он туман. Все видит, все знает, всюду проникнуть может. Только сделать ничего не может, телом оборачивается он только в своем логове, в чаще.

Туманники стучались ночью. Все деревенские знают: не впускать никого после заката, особенно если около леса живешь. Но туманники сладко морочили голову, и иной раз нет-нет, да откроют дверь.

А на утро их находили.

В доме потом никто жить не мог, даже приезжие. Тяжелым становилось место, темным. Кровь уходила в доски, стекая по ним в подпол – туманник не торопился, выедавая самое вкусное, поддерживая в телах жизнь всю ночь. Спал на теплых полатях, ворошил запасы, и исчезал поутру, словить не успевали.

Вея сняла лучину со светца и отодвинула стол. Ведьме сразу показалось, что странно это – чтобы стол посреди избы стоял, но думать об этом было некогда, сейчас же появились другие мысли.

С легким шепотком она прошла рукой по доскам, и рука отозвалась звоном. Ещё нужно днем посмотреть, но и так ясно – отмывали здесь, долго отмывали, да полировали. Чтобы не сразу заметили. По полу и в щелях текли ржавые потеки, да только не от железа те.

Туманник трапезничал здесь и раньше.

– Дом тебе что ли приглянулся? – Вея выпрямилась, отряхивая руки. Она уже искала кровь, но каждый раз это оставляло гадкое чувство грязи.

Туманник не удостоил её ответом, только толкнул печную трубу, от чего та покачнулась и в угли посыпалась крошка.

«Смогу ли я уснуть теперь?», – грустно подумала ведьма, глядя на потолок. Но усталость, долгая дорога, истекшие за день силы дали о себе знать, и вскоре её сморил легкий беспокойный сон.

Утром Вея выглянула на чердак. Можно было не бояться, засветло туманник сам рассыпался туманом, не мог держать форму, а значит уже не страшно.

Яйца он растоптал, крынку разбил, но, Вея заметила, что пятен от медовухи нигде не было. Значит выпил.

Матушка кричала бы на неё до хрипоты, если бы узнала, что вытворила её дочь. Был бы туманник постарше – не дал бы он ей закрыть ляду, вырвав из тонких рук. Да и задобрить его – гиблое дело, только раззадоришь. Но жила в Вее всегда маленькая мысль: «А что если вдруг?», которая и не давала ей покоя в родной деревне. А что если она уедет? А что если она будет жить одна? А что если...

На расспросы о доме староста отводил глаза, да и тому, что она пришла, удивился, и Вея поняла – её не ждали увидеть утром. Её вообще больше не ждали увидеть.

«В который раз уже?», – подумала она, возвращаясь домой. Сколько людей пропали, переехав или остановившись на ночлеге здесь. А своих селили в этот дом? Вряд ли, конечно.

Первым желанием было собраться и бежать, но она вспомнила, что туманник помнит запах. И может отдаляться от своего леса на несколько миль, а лес здесь и сам по себе далеко тянется. Она просто не успеет уехать достаточно далеко, даже если попросит кого-то с телегой подвести. Да и вряд ли кто-то согласится – она уже жертва туманнику, чтобы ягоды собирать спокойно, чтобы охота шла.

Злости не было, жители поступали правильно. Хуже было бы, если бы своих отдавали, таким никакой веры нет. Но теперь нужно было выжить.

Впрочем, ночь слово выдержало, и дальше должно, си-лушкой она не обделена была – в поле туманник поборол бы, а так, вряд ли пробьется.

«Посмотрим ещё, кто кого», – фыркнула Вея.

На сей раз она не стала надеяться на нерасторопность туманника – с вечера положила на чердаке одеяло, кашу с мясом – соседи резали корову, а у них как раз жук древооточец завелся, того сложно извести, вот и разжилась мясом, чесноком да полбой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.